

Встреча с отцом

Братья Алоады думать не думали, ведать не ведали, что дерзкая затея построить гору, высотой превосходящую Олимп, приведет к столь плачевным последствиям. По правде говоря, лезть на вершину они и не собирались. Дети водной стихии, братья недолюбливали горы, но обуреваемая их мечта помериться силой с богами. А иначе как докажешь людям, что Алоей – никакой им не отец, поскольку матушка их, простодушная Ифимедия, призналась как-то супругу, что зачала близнецов от Посейдона. В упрек ей это никто не поставил, напротив, Алоей немало возгордился, что избранница его, а значит и весь род, отныне под покровительством Владыки морей.

А уж как ему стало везти с тех пор на рыбном промысле! На море шторм, у соседей сети порваны, лодчонки на берегу гниют, Алоей же всегда при попутном ветре возвращается с богатым уловом. Причем частенько в брюхе у рыбыны обнаруживался перстенок, как раз на пальчик Ифимедии. Он с восторгом дарил находку супруге, приговаривая: «Хвала Посейдону, не обделяет Владыка морей нас своим вниманием!».

Со временем Алоей и себя стал считать сыном Посейдона, что тоже никто не посмел бы оспорить. Посейдон, по правде говоря, наплодил детей по свету, как звезд морских, полагая, что тем самым заметно улучшает человеческую породу. Но близнецов от Ифимедии, Ота с Эфиальтом, выделял особо, не поощряя их склонности к бродяжничеству, чем, впрочем, они весьма напоминали его самого.

Подтверждений тому было немерено. Стоило мальчикам оказаться на берегу, они по дельфиньи прыгали в воду, и выманить их оттуда мог только запах мамашиних пирожков с рыбой. И нырять, и плавать малыши научились, еще не встав на ноги, рыбу глушили одним взмахом руки и уплетали прямо в море, сырой. Близнецы проявляли столь буйный нрав и строптивость что Посейдону приходилось учить их уму-разуму, показывая примеры уважительного отношения к матери, для чего он не единожды, и не без удовольствия, посещал дом Алоадов в облике синебородого странника, пришедшего из дальних краев. А кто откажет в постое скитальцу, пришедшему к тому же с котомкой даров?

Когда мальчишки подросли, Посейдон пробовал их и к наукам приобщить. Определил на выучку к мудрецу Хирону, однако неугомонные братцы быстро от кентавра сбежали, потому что он не только рассказывал интересные истории, но еще и заставлял их повторять, а этого От

с Эфиальтом терпеть не могли. Впрочем, некоторые смешные истории им запомнились.

Братья хохотали до-упаду, когда учитель поведал им про одного похотливого кентавра, который решил соблазнить Геру, но по ошибке оплодотворил облако вместо богини. Хирон полагал, что парни осознают несбыточность мечтаний о телесных контактах с богами, но братья поняли наоборот, что богини вполне доступны, просто нужно быть половчее, чем какой-то неповоротливый кентавр. Но больше всего запала близнецам в душу история про то, как на заре времен нашлось двое смельчаков из смертных, которые попробовали добраться до неба, взгромоздив гору Пелион на стоящую рядом Оссу. Попытка была пресечена богами, однако мечта повторить подвиг пращуров не покидала с тех пор отчаянных близнецов.

Земные подвиги им быстро наскучили, поскольку драться с ними никто в округе не хотел, зная, что Алоады все равно победят, охотиться и рыбу ловить они со временем разлюбили, ведь дома еды всегда навалом, и какой смысл гоняться за зверьем, а тем более – за невинной рыбой. Оставалось одно – попытаться сравняться с богами. И Осса, и Пелион денно и ночью маячили перед глазами, как бы дразня, мол, слабо и вам попробовать приблизиться к небесам.

Работа оказалась нетрудной, хоть и пыльной. Парни перебросали, пожалуй, четверть

горы, когда с Олимпа, что светил своей ледяной шапкой сквозь белесую пелену пыли, вздымавшейся над Оссой, раздались раскаты грома. От с Эфиальтом переглянулись, безошибочно распознав громовой голос Зевса. Но это только подхлестнуло их энтузиазм. Раз Зевс гневается, значит, боги заметили их рвение. Еще немного и Осса сравняется по величине с Олимпом! Вот тут-то и признают их величие не только люди, но и боги!

Увы, их многотрудная работа была пресечена Посейдоном, чуть ли не кубарем скатившимся с горы и нависшим над заробевшими близнецами темно-синей тучей. Своего небесного папашу братья узнали по лохматой синей бороде и трезубым вилам, которые он вонзил в скалу прямо над их головами. И хоть был Владыка морей в одежке простого каменотеса, а следом за ним бежал лесоруб с топором, братья вмиг опознали отца. Они даже испугались за отца, так грозен был вид лесоруба, его догонявшего. Правда, едва лесоруб заговорил, а из глаз его посыпались искры, подпалив сухую траву под ногами, стало ясно, что с гор спустился не разъяренный великан, коих немало водится в горах, а сам Громовержец, который, как братья знали со слов Хирона, приходится им дядюшкой, а для всех остальных Верховным богом.

От с Эфиальтом, хоть и не отличались сообразительностью, тут же грохнулись на колени

и принялись тушить пожар голыми руками. Однако огонь угас сам собой, а сверху прогроталось:

– Ну, братец, твоим богатырям ни огонь, ни вода не страшны, а уж в такой пылуке сам Сет пожалуй бы сдох! – и бог утробно закашлялся, разогнав своим дыханием остатки пылевой заветы.

– Так они у меня из воды не вылазили, да и огнем закалку прошли! – отозвался знакомый с детства баритон. – А пыль – это издержки земной жизни, за то Амфитрита сушу и невлюбила. Не знаю, как она с моими богатырями справится, если их к нам во дворец забрать.

– За что ей такая обуза? – хохотнул Громовержец. – Да и парни в ваших хоромах затоскуют. – Может, их к Аполлону направить? Он жаловался, что толковых помощников не хватает.

– Признаться, брат, они у меня не больно башковитые, силушкой я их не обидел, а с мозгами недочет вышел, – смущенно пробасил Владыка вод.

До братьев, наконец, дошло, что речь идет о них. Присутствие Зевса несколько смущало, но, твердо веря в свое божественное происхождение, они решили поспорить за право жить, где захочется, и делать, что заблагорассудится. В глубине души они уповали на помощь Посейдона, ведь он не раз вытаскивал их из омутов,

бурных стремнин, а то и из щупалец осьминогов. Не опасаясь быть испепеленными, что зачастую случалось при общении смертных с богами, близнецы смело уставились в лохматые бороды – рыжую Зевса и иссиня черную – Посейдона.

Бороды, как тучи, закрывали полнеба, но вдруг тучи развеялись, и боги устремили на близнецов свои огненные взоры. В их лучезарном сиянии братья будто растворились, перестали видеть и слышать, утратив тем самым всякую возможность спорить.

Очнувшись, братья обнаружили себя мирно сидящими под сосной. Напротив, оседлав поваленный дуб, с видом заправских лесорубов на привале, беседовали Посейдон с Зевсом. Речь их была простой и незамысловатой, да и внешне они ничем не напоминали богов:

– А все-таки пошлем в Гиперборею, там работы – не почат край, – гудел добродушно рыжий, помахивая топором. – Пускай Артемиде помогают.

– Помощи от них, как от козла молока, – непочтительно отозвался синебородый, на защиту которого так рассчитывали братья. – Парни, конечно, бойкие, но до работы ленивы, распустила их Ифимедия своей добротой. Она и меня ласковым нравом и кротостью брала. А я мальцов подарками с детства заваливал. Каких только игрушечек с морских глубин не таскал! Вот и разбаловал сверх меры.

– У Артемиды не забалуешь, – хохотнул рыжебородый. – Та вмиг кнутом опояшет. Я сам, бывает, с ней соглашаюсь, чтобы зря языком не чесать. Охотницу не переспоришь. Упрямством вся в меня. Она из любой скотины человека сделает!

– В Гиперборею, так в Гиперборею, – махнул рукой синебородый.

Боги, хоть и прикидывались смертными, но речь выдавала их. Откуда простому лесорубу знать нравы Артемиды? Да и кто посмел бы набиваться Охотнице в отцы?! А синебородый открыто признался, что баловал их в детстве, и это было истинной правдой. Посейдон без подарков не являлся, то коньков морских притащит, то раковин, поющих на все лады, то жемчугов мамаше на шею навешает. Алоею сеть новую преподнесет, а тот и возится с ней сутками.

А уж такой синей бороды, как у Посейдона, во всем белом свете не сыскать! Последнее обстоятельство помогло братьям осознать, что перед ними отец родной, и они дружно завопили:

– Не хотим в Гиперборею!

В их планы отнюдь не входило кому-то помогать, а тем более, на кого-то работать. Но судьба их, похоже, была решена.

– А вас, братцы, не спрашивают, – проворчал Посейдон, – любуясь строптивыми своими отпрысками. – Довольно вам под мамкиной юбкой сидеть.

Близнецы благоразумно прикусили языки, хотя так и подмывало сказать, что под юбку к мамаше как раз он сам любил залезть, а они там с момента рождения не бывали.

– А как мы ее опознаем? Гиперборея-то большая, – начал мямлить От, в надежде изменить долю. – Мы и не видели Артемиды никогда! Вдруг мы ее с кем-нибудь перепутаем, а местные решат, что мы к ихним девкам пристаем. Нехорошо выйдет!

– Хирон говорил, что драться со всеми подряд глупо, а тем более убивать без причины, – нашелся Эфиальт, выкладывая последний и убийственный, как ему казалось, аргумент.

Зевс расхохотался так, что с соседнего дуба посыпались желуди, а Посейдон молвил назидательно:

– Придется обойтись без драк. По крайней мере, первое время, пока не освоитесь, – несколько смягчил он приговор, который явно был бра-тьям не по силам и не по нутру. – Руки старайтесь не распускать. Артемида за неловкий жест или смелый взгляд сама запросто убить может.

– Да уж, с нее станется! – кивнул Зевс, утирая увлажнившиеся от смеха глаза. – Вы и не думайте искать Охотницу, она сама вас найдет. А вот к смертным девицам советую присмотреться. Гиперборейки – диво, как хороши! Все, как на подбор, румяные, ядреные, руса коса в пол, да еще и певуньи!

– Согласен, там есть чем душу и тело убажить, – потер руки Посейдон, что означало, что вопрос решен окончательно и бесповоротно. – Кстати, помимо девиц, там и рыбалка знатная! Речная рыба вам на пользу пойдет, она мозги фосфором питает, авось поумнеете. А как они ее научились коптить – пальчики оближешь!

Близнецов, однако, открывшиеся перспективы явно не радовали. Они тупо уставились в землю, ковыряя крепкими пальцами извилистый корень сосны. По всему выходило, что их посылают егерями к Охотнице, и прощай тогда мечта сравняться с богами.

– Что нахмурились? – легонько хлопнул близнецов по спинам Зевс, отчего с их пальцев посыпались искры, чуть не подпалив сухую игольчатую подстилку. – Веселее края, чем Гиперборея, в мире нет. Аполлон с Артемидой мастера на выдумки. У них там регаты регулярные, забеги да заплывы, конные скачки, хороводы всякие... красота! А как девки поют! И все это под колокольные звоны.

– Колокольные звоны – это не про нас, – скривил пухлые губы От, чуть не плача. – Мамаша как-то призналась, что нам медведь на ухо наступил.

– Поймать бы того медведя да шкуру с него содрать! – добавил Эфиальт, не зная, на ком сорвать злость.

– У вас будет шанс убить медведя, край-то лесной, – опять расхохотался Зевс, немало смутив своим веселым нравом близнецов. Они даже усомнились, а Громовержец ли перед ними? Ведь все считают Зевса грозным и суровым, а этот хохочет, будто в бубен бьет. Никаких колоколов не надо. Оглохнуть можно.

– Про медведя – это я так, фигурально выразился, – щегольнул перед богами мудреным словечком, которое слышал от Хирона, Эфиальт. – Мы, пожалуй, игры какие-нибудь учредим, например, хождение по водам, или бег наперегонки с волной, чтобы сразу прославиться. Это мы здорово освоили! Точно первыми будем!

– Бывало, отведешь воды подальше от берега, глупые мальчишки кидаются за тобой, чтобы губок и мидий набрать, а ты нагонишь волну с глубины, вода и возвращается на свое место, – мечтательно вздохнул От. – Эти дураки барахтаются, захлебываясь, а кто и не выплывет совсем. Очень смешно! Мы-то всегда вперед толпы бежали, остальных заманивая, зато и выныривали первыми.

– Летишь на гребне волны, что чайка морская, аж дух захватывает! – поддержал брата Эфиальт.

– Да они у тебя поэты, – усмехнулся Зевс.

– Шалопай они, – махнул рукой Посейдон, тем не менее, польщенный похвалой Зевса.

И, взъерошив иссиня-черные кудри сыновей, добавил: – Боюсь, только с чайками вам и придется соревноваться, так что первыми вам не бывать. В небе-то летать я вас не обучил.

– Не понял! – пробормотал От, побагровев от отцовской ласки.

– Отец хочет сказать, что на игры с чужаками никто не придет, а друг друга нам не победить, – важно пояснил Эфиальт, даже не заметив, что назвал Посейдона отцом. – Не с птицами же глупыми бороться.

– Брат прав, – кивнул головой От, опасливо глянув на Посейдона, чтобы удостовериться, не обиделся ли тот на Эфиальта за его дерзость. – Сколько раз бились на кулачках, из сил выьемся, а кто сильнее, не знаем.

Но Посейдон вовсе не рассердился. Напротив, он явно любовался сыновьями, добродушно посмеиваясь в лохматую бороду.

– Нам друг с дружкой биться – резону нет! Разве что, для примера, чтобы других подзадорить, – все больше вдохновился От, чувствуя поддержку отца. – А не захотят пример брать, силой в воду загоним. Сколько раз проверено, если со скалы в море столкнуть, любой дурак поплывет!

– Скалы-то и море у них хотя бы есть? – как бы невзначай поинтересовался Эфиальт, пытаясь прояснить ситуацию. – А то, я слышал, Гиперборея – край дикий, лесной.

– И скалы есть, и море, но далеко, на севере, на пути к Меру, может, слышали о такой горе? – иронично улыбнулся Зевс, уверенный, что простачки считают обителем богов Олимп, известный им с детства.

– А как же! – Хором воскликнули близнецы. – Это мечта нашей жизни – на Меру попасть.

– Эва, куда хватили! – добродушно хмыкнул Посейдон, скосив глаза на Зевса: не гневается ли тот на нагловатых его сынов?

– Может, и попадете, если заслужите, – пробормотал Громовержец, отметив про себя: – явные кандидаты в герои, а вот до гениев, жаль, не дотягивают. – Отчаянные близнецы нравились все больше, и он пригасил блеск глаз, чтобы не испепелить ненароком племянников, которым предстояло пройти не одно испытание, чтобы попасть в разряд героев.

– Для начала поработайте в лесостепной зоне, – назидательно молвил Посейдон, догадавшись, что у Зевса на его сыновей свои планы. – У Артемиды зверья много, за всеми надо присмотреть, кого-то подкормить, кого-то выбраковать.

– Значит, по зверью стрелять в охотку, а людей не трогать? – деловито уточнил Эфиальт.

– Тоже особо не увлекайтесь. Отстрел можно вести только с разрешения Артемиды, – нахмурил брови Посейдон. – Запомните, карательных

функций у вас нет, так что никого со скал не сбрасывать и кулаками без лишней нужды не махать.

– А как же порядок-то наводить, если в рожу дать нельзя? – вылупил глазищи От.

– Во всем полагайтесь на Артемиду, – прекратил затянувшийся урок Зевс. – Она вас всему обучит. – Пошли брат, нас Афина заждалась!

– По дороге ни с кем не задирайтесь, говоры местные осваивайте, к обычаям присматривайтесь, потому что большинство стычек от недопонимания, – давал последние напутствия Посейдон, любовно похлопывая сынов по могучим спинам.

Не поспешил на добрый совет и Зевс.

– И зарубите себе на носу, – картинно махнул он топором перед погрустневшими лицами: – Артемиду не звать, встречи с ней не добиваться! Она сама вас найдет, когда придет время, – строго сказал он. – Запомните, инициатива наказуема.

Однако кто слушает добрых советов? Кроме того, братья Алоады, увы, Громовержца просто не поняли, дивясь тому, что дуб, на котором только что сидели Зевс с Посейдоном, превратился в тлеющую головешку, а самих богов и след простыл.

– Да, с матерью не забудьте проститься, – последнее, что услышали они из лучезарного сияния, залившего поляну.

– За что они нас будут наказывать? За иницици... каку-то... – шепнул От на ухо брату, опасаясь прослыть неучем в глазах богов, так как был уверен, что Зевс с Посейдоном все видят и слышат, даже когда их самих не видно.

– Я тоже не понял... – пожал плечами Эфиальт, – похожим словом называли обряд... помнишь, когда нас в темном сарае заперли, а потом на дыбе подвешивали, иголками тыкали, а на ночь голые тетки нас снадобьями пахучим с головы до ног натирали и с собой спать укладывали? А поутру, помнишь, пальмовыми ветками срам прикрыли и на площадь вывели, где при всем честном народе объявили, что мы теперь мужики. Кажется, это тоже называлось иницици... тьфу, и не выговоришь.

– Да, помню, ты тогда плюнул жрецу в рожу и сказал, что мы не мужики, а боги, и старые жирные тетки нам не нужны, потому что мы богинь любим. Но слово все-таки было другое... похожее, но другое.

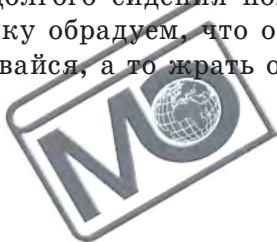
– Ладно, какая разница... отец ведь сказал, что говоры разные бывают, да и мы с тобой замечали, что на островах, за Атлантидой, люди совсем непонятно говорят, а иные просто свистят, и все равно понимают друг друга. А мы их – только когда отлупим, как следует. Все-таки, когда ты победитель, все тебя понимают и с тобой считаются, даже если ты нем, как рыба.

– Да, сколько драк из-за этих говоров вышло, – покачал головой От. – Бывают до того смешные, что кажется, будто над тобой издеваются. Тогда уж волей-неволей в рожу дашь. А нам ведь кулаки в ход пускать не велено. Как с людьми разговаривать при таких ограничениях – ума не приложу.

– Придется личным примером учить, – рассудительно молвил Эфиальт. – А от этих гнусных инициций как-нибудь отвертимся. Нам девки ихние ни к чему, хоть раскрасавицы, хоть певуньи. Мы прямым ходом к Артемиде дунем, а оттуда, как я понял, и до Меру рукой подать.

– Да, чуть не забыл, нам еще велено с матерью проститься, – хлопнул себя по лбу От.

– Ну, это проще простого, – размял затекшие от долгого сидения ноги Эфиальт. – Пойдем, мамку обрадуем, что отец объявился! Поторпливайся, а то жрать охота.

Прощание с домом

Последний наказ богов только казался самым простым, а обернулся полным конфузом. Вместо того чтобы радоваться, Ифимедия залилась слезами. Вцепившись в сыновей обеими руками, хоть и доставала им только до пояса, она заголосила, как плачут над покойником:

– На кого вы меня покидаете, сыночки мои ненаглядные, не будет мне мил без вас белый свет, не в радость станет ясно солнышко.

– Так ведь не сами, нас отец послал, – промямлил Эфиальт, не ожидавший столь бурной сцены.

– Там и Зевс был, и оба сказали, что нас в Гиперборее Артемида ждет, – поддакнул От.

– Не пушу, хоть режьте, не пушу! – причитала Ифимедия, не выразив никакого почтения божественным именам. – Отец их, видите ли, послал! А он сказал, что в тех краях земля каждый год к зиме каменеет и вода леденеет? То-то, не сказал! А где вы купаться будете, где рыбу ловить? Да вы там с голоду околаете! Те, кто в Гиперборее бывали, говорят, что люди

с крайней земли брата своего, медведя, убивают, и в шкуру его наряжаются, а подкожным жиром его всю зиму питаются, и рожи свои немытые мажут. А вы, как выживете? С детства привыкшие к мамкиной стряпне, в чистое одеты! Что есть-пить будете, кто вас согреет, когда меня рядом не будет?

Слова матери немало смутили близнецов. Припомнилось, что и Зевс упоминал про медведя, намекая, вероятно, что зверя придется убить, а иначе – верная смерть. Убивать медведя категорически не хотелось. Что им лесной богатырь плохого сделал?

– Мы просто отцу обещали помочь Артемиде... а та в Гиперборее живет, – неуверенно продолжали братья.

– Сдалась вам эта Гиперборея! – приободрилась Ифимедия, почувствовав, что сыновья готовы сдаться. – Аполлон, и тот погреться в Делос прилетает, а вы не боги, чтобы туда-сюда по воздуху мотаться.

Последний аргумент, однако, возымел обратное действие. Братьев с детства вдохновляло желание сравняться с богами, и слова матери показались им обидными.

– Ради славы и потопать не грех, а там мы летать обучимся, или колесницу у кого-нибудь отнимем, – гордо молвил От, а Эфиальт добавил: – Кроме того, отец говорил, что в Гипер-

борее рек полно, так что и поплавать можно, и рыбы наловить.

– А что, парни правы! – поддакнул Алоей, все еще не веря, что ему так подфартило, и он скоро избавится от буйных богатырей. – Не зря говорят, как потопаешь, так и полопаешь. Гиперборея, я слышал, – богатейший край, никто там не голодает, напротив, все живут в достатке и в радости. Песни поют, да хороводы водят. Кроме того, служить при Артемиде – великая честь! Грех не воспользоваться таким шансом. Сколько ребятам дурью маяться, болтаясь без дела, людей да зверье распугивая?

Алоей не скрывал радости. Даже если парни приврали насчет встречи с Посейдоном, нельзя упускать удобный случай сбавить с рук буянов, за проделки которых ему не раз приходилось расплачиваться барашками из своих стад. Правда, нельзя не признать, что и стада тучнели на нивах не без помощи их небесного папаши.

Братья, получив неожиданную поддержку земного своего отца, которого при других обстоятельствах и слушать бы не стали, почувствовали себя уверенней.

– Хватит рассусоливать, перекусим малость, и в путь, – решительно заявил От.

– Некогда тут с вами прохлаждаться. Нас ждут великие дела! – сказал, как припечатал, Эфиальт.

Ифимедия, вместо того, чтобы метать на стол хлеба и тащить жаркое, что она делала незамедлительно при появлении близнецов, опустилась на пол и зарыдала пуще прежнего.

– Ты что, жена, сдурела – противиться воле богов? – Принялся утешать Алоей, склонившись над супругой и неумело глядя ее по голове. – О ребятах, наконец-то их небесный отец позаботился, а ты – причитать. Гиперборея – как раз то место, где они смогут развернуться, удаль свою показать. При их-то прыти, они там царями, глядишь, станут! Еще и нас с тобой прославят!

Всхлипывания прекратились.

– Ты думаешь, им там лучше будет? – подняла заплаканные глаза Ифимедия.

– А чего тут думать? – хором завопили братья. – Нам поручено порядок там наводить! Зевс с Посейдоном считают, что Артемида не справляется со своими обязанностями, вот и направили нас ей на подмогу.

– Что, и Зевс вам явился? Прямо об руку с Посейдоном? – улыбнулась Ифимедия, готовая поверить, что все это не очередная попытка проказников под благовидным предлогом удрать из дому. – Говорят, Зевс-то – гордец, не очень с братьями ладит.

Кстати, а как вы их опознали? – решил уточнить Алоей, опасаясь, что все окажется

выдумкой неугомонных фантазеров, с детства мечтающих прославиться.

– Так они прямо с Олимпа к нам прилетели, когда мы Оссу на Пелион ставили, – важно изрек От. – Вернее, прибежали – один с топором, другой – с вилами.

– С трезубцем, – поправил брата Эфиальт, заметив ироническую улыбку на губах несносного Алоея, которого он не то, что отцом, даже отчимом отказывался признавать. – Туда же и убыли, наказав помогать во всем Артемиде и наделив нас карательными функциями, – приврал он для верности. – Улетели по воздуху, вернее, растворились в небесном сиянии.

– Я слышала, Зевс орлом летает, – с сомнением покачала головой Ифимедия, не став уточнять, что Посейдон иногда являлся черногривым жеребцом, но навстречу ей уже бежал в облике чернобрового красавца, и кружил, кружил потом в объятиях, пока Небо не смешивалось с Землей.

– Не спорь, мать, они на то и боги, чтобы принимать любое обличье, – вздохнул с облегчением Алоей. – Тут главное, что оба с Олимпа спустились. Боги туда последнее время зачистили. Занавесили вершину облаками, и что-то там строят, вроде, дворцы летние.

Последнее сообщение вернуло Ифимедию к реальности. Раз Посейдон на Олимпе, значит, и